

Востриков Игорь Владимирович

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ СОБРАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

В статье исследуется влияние дискуссии между православным духовенством и светской интеллигенцией на состояние общественной психологии в России в начале XX в. Отмечается, что социально-психологические условия для такого диалога впервые проявились только на Религиозно-философских собраниях 1901-1903 гг. Собрания рассматриваются как важный источник эволюции общественной психологии в эпоху ожидания и предчувствия глобальных духовных, политических и культурных перемен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 45-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**MILITARY MEDICAL EDUCATION ORIGINS WITHIN KUBAN' DISTRICT
(THE 80S OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)**

Viktoriya Gustavovna Vasilenko, Ph. D. in History, Associate Professor
*Department of Biology, Medical Training and Life Safety
Armavir State Pedagogical Academy
vasilekov@mail.ru*

The author considers the process of the first military medical educational institution origin and formation within Kuban' region that performed paramedic training for Cossacks and civil population.

Key words and phrases: hospital; lazaret; military-paramedic school; paramedic; doctor; medical authority.

УДК 1(091)(470)+940.1(470)

В статье исследуется влияние дискуссии между православным духовенством и светской интеллигенцией на состояние общественной психологии в России в начале XX в. Отмечается, что социально-психологические условия для такого диалога впервые проявились только на Религиозно-философских собраниях 1901-1903 гг. Собрания рассматриваются как важный источник эволюции общественной психологии в эпоху ожидания и предчувствия глобальных духовных, политических и культурных перемен.

Ключевые слова и фразы: общественная психология; духовный Ренессанс; новое религиозное сознание; учащие силы Церкви; догмат; духовное сотворчество; культурное пространство; социально-психологическая рефлексия.

Игорь Владимирович Востриков, к. филос. н.

Кафедра философии

Астраханский государственный университет

igvladvost@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ СОБРАНИЙ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
В РОССИИ НАЧАЛА XX В. ©**

Сравнивая социальную жизнь в России начала XX в. со временем правления Александра III Миротворца, нельзя не заметить контраст в духовной атмосфере и общественных настроениях. Умиротворенность, стабильность, отказ от поиска новых аксиологических ориентиров сменяются психологической напряженностью, тяжелым ощущением приближения надвигающегося кризиса. Думается, прав был театральный деятель С. П. Дягилев, считавший, что Россия вступает в двадцатом веке в эпоху перелома, страшную по своим духовным последствиям, и назвавший своих современников свидетелями «величайшего исторического момента, итогов и концов во имя новой неведомой культуры», которая, окрепнув, неизбежно уничтожает своих создателей [2, с. 37].

В формирование нового культурного пространства включились, в основном, представители творческих профессий: писатели, культурологи, публицисты, профессиональные философы. Так, в 1889 г. Л. М. Лопатиным, В. С. Соловьевым, С. Н. Трубецким, Н. Я. Гротом было создано Московское психологическое общество. На публичных лекциях, а несколько позже и на страницах издаваемого обществом журнала «Вопросы философии и психологии» активно обсуждались религиозно-философские проблемы.

В процессе духовного сотворчества люди острее чувствовали свою разобщенность, отсутствие близости мировоззренческих позиций. Это снижало творческий потенциал интеллигенции, и она оказывалась уже не способной противостоять надвигающейся «духовной ночи общества» [13, с. 25]. Вместе с тем, именно разница в мировоззрении и мировосприятии выступала как центростремительная сила общественного прогресса. Желание понять позицию современника-оппонента, обсудить ее и предложить свой вариант решения той или иной проблемы, осознание необходимости совместных действий в поиске путей спасения России являлись важными общественно-психологическими ориентирами для значительной части передовой интеллигенции.

Одновременно происходило и усиление внимания русского общества к вопросам православия. Отчасти это происходило из-за того, что ортодоксальная Церковь, как и вся государственная машина в целом, не ассоциировалась у большей части совсем не верующей интеллигенции с «истинным богом», поскольку она не могла дать ответ на вызов, который, по словам Д. С. Мережковского, «бросался настоящим будущему» [12, с. 116]. Интерес к духовным делам на рубеже XIX-XX вв. поддерживался и возможностью эксплицирования на Церковь и духовенство процессов и явлений, происходящих в государстве и контролируемых политиками. Например, политика Синода в области цензуры практически во всем соответствовала линии

светского Министерства печати. Поэтому по мере снижения авторитета государственной власти в обществе все ярче прослеживалась тенденция к возрастанию критики официального православия и возложению на него части ответственности за возникающие политические, экономические и социальные трудности.

Так завязывался диалог между «светскими людьми» и духовенством, высшей точкой которого и оказались Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг. Как справедливо отмечает И. А. Ильин, эпоха рубежа XIX-XX вв. ни в чем не нуждалась так, как в духовной очевидности [8, с. 64-65]. Собрания, несомненно, позволяли сделать шаг навстречу такой очевидности. Об этом неоднократно заявляли Д. В. Filosofov, В. А. Тернавцев, П. П. Перцов и ряд других активных деятелей религиозно-философского Ренессанса. Люди стремились *свободно* думать и мыслить, не борясь при этом за абстрактные религиозные истины. Любопытным в этой связи представляется заявление В. В. Розанова: «Я не хочу истины, я хочу покоя». В этой фразе, однако, нет призыва отказаться от поиска истин – это, скорее, призыв к обдумыванию своих действий, предостережение от поспешности в принятии мировоззренческих решений.

Неудивительно, что Собрания стали своего рода психологической необходимостью и потребностью общества, преодолевая упадок мысли и нравственности. Они были порождены «сомнением, испытываемым остро, а значит, подлинным, несомненным, духовным, делающим столь необходимым в эпоху безвременья опыт открытым и доступным» [Там же]. Это был достоверный, а значит, общественно полезный опыт, который, по мысли В. В. Зеньковского, помогал глубже уяснить и раскрыть то, что давало жизни и культуре православие [7, с. 236].

Переосмысление значительной частью интеллигенции своих ценностей, постоянный поиск идеала приводили к осознанию кризисности самих тенденций социального развития, что, по мысли Е. М. Амелиной, означало уход от изживших или изживающих себя форм экономической, политической и социальной жизни, помогало преодолеть «как фанатизм охранительного консерватизма, так и революционного радикализма» [1, с. 7-8]. Участники Собраний верили в материализацию мысли и в то, что она способна преобразовать действительность в эпоху идейного безвременья. Следуя за «творческим томленьем» Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, философы в ходе дискуссии с богословами открывали новые цели человеческого существования, выявляя при этом серьезные духовные раны *личности, не способной покинуть пределы духовной действительности*.

Одной из наиболее серьезных таких ран мыслители считали «вакуум веры». Человек, живущий в таком вакууме, неизбежно начинает искать путь к спасению в обход Бога. Это проявляется и в стремлении к идейному синтезу науки и религии, и в смещении интересов заметной части общества в сторону мистики и оккультизма, и в усилении либеральной оппозиционности накануне революции 1905-1907 гг.

На заседаниях Собраний продолжался поиск новых божественных начал и откровений в повседневности; одновременно происходило психологическое сближение светского богословия с критически переосмысленным православным вероучением. Возможность не только *выслушать*, но и *услышать* идейного оппонента делала заседания в глазах общественности своеобразным «полигоном» для апробации идей спасения духа в условиях утраты Церковью былого влияния на социум.

Отечественные мыслители пытались построить открытое для всех жизнестроительное учение. Успех этого начинания обеспечивался всей совокупностью культурно-исторического опыта России. А поскольку и сам опыт, и отношение к нему у деятелей религиозно-философского Ренессанса различались, то и трансформация опыта, и его трансляция, и использование в конкретных культурно-исторических ситуациях не совпадали. Так, В. Розанов, рассуждая о ценностях, способных в условиях надвигающегося кризиса повести отечество к духовному пробуждению, считал, что реалии российской действительности побуждают действовать «огнем и мечом правды», которая в войне за счастье восстает против быта [14, с. 62], В. Тернавцев называл современную ему Россию ареной борьбы деятелей религиозного возрождения с «силами мировыми, давно и открыто борющимися с Христианством на арене истории» [6, с. 7], а Д. Мережковский отмечал разум, волю к действию и жизни как вековые, сердечные ориентиры России [12, с. 120].

Приведенные высказывания показывают, насколько сложным, неоднозначным был процесс зарождения Собраний, которые несли в себе и начала *соборности*, и стремление *личности* быть услышанной в гуле голосов времени. Осознание того, что пути достижения истины могут быть различными, но само понятие истины должно быть единым, задавало границы методологии богоискательства от абстрактно-логической до конкретно-исторической [5, с. 91-100].

Нельзя не отметить и различие в духовных устроениях Москвы и Петербурга. Приближение перемен, вне сомнения, предчувствовалось в обеих столицах. Но острота осознания губительности эпохи, выраженность потребности к религиозно-философским поискам в значительно большей степени были присущи группе литераторов-символистов (А. Белый, А. Блок, В. Соловьев, З. Гиппиус и др.), объединившихся вокруг ряда петербургских издательств. Некоторые из них вошли в когорту мыслителей, принявших активное участие в деятельности Религиозно-философских собраний. Политическая столица государства острее чувствовала приближение раскола общества и сильнее сопротивлялась ему.

Итак, рубеж XIX-XX вв. стал переломным моментом в эволюции сознания российской интеллигенции. Социально-политические, религиозные и – в самом широком смысле слова – культурные процессы, происходящие в России, вызвали изменение «чувства жизни» (под этим термином мы понимаем, вслед за Г. Флоровским, не только душевный сдвиг, но и новый опыт, понимание того, что человек – существо метафизическое). Это обстоятельство давало человеку стимул и возможность открывать неизвестное в самом себе, обнаруживать в потребностях и стремлениях собственной души несовершенство окружающего мира.

Следствием этого явилось изменение представления о мире, которое стало более тонким и осмысленным. В этом мире открываются глубина и многомерность, дающие, в свою очередь, стимул к детальному его изучению и определению места Бога в нем.

Религиозное обновление, потребность в котором актуализировалась в российском обществе в конце XIX в., рассматривалось как путь к спасению. И происходила эта актуализация столь же болезненно, как и та, что состоялась в 1880-е гг. Это, думается, было связано с тем, что количество «запретных плодов» духовной жизни, оказавшихся в поле зрения интеллигенции, резко возросло. Свобода совести, ограничение влияния абсолютизма на духовное созидание, снижение зависимости институтов брака и семьи от православных догматов – все эти «соблазны» в начале XX в. уже могли воплотиться в *практике жизни*. Однако стремление вкушать «плоды свободы» увеличивало *опасность жизни*. Снижение этой опасности могло произойти за счет принципиально иной постановки «религиозной темы», которую общество смогло бы воспринимать не как абстрактное богословское построение, а как концепцию, напрямую связанную с реальной жизнью.

Мыслителей перестал удовлетворять только лишь поиск религиозного мировоззрения. А это порождало, возвращаясь к мысли Г. Флоровского, «потребность строить свою душу» [15, с. 452-453]. Вместе с тем, характерной приметой российского общества эпохи Собраний стало некое духовное опустошение личности и ее страх перед будущим. Весьма высокими темпами происходило усложнение мира и духовных, политических, социальных отношений в нем. Такое усложнение психологически давило на человека и в то же время притягивало его. Зачастую это выражалось в стремлении полемизировать с людьми, нашедшими в себе силы освободиться «от гнетущего верноподданничества и... притупляющей формалистики» [3, с. 291] по отношению как к государству, так и к Церкви.

В общественном сознании все шире распространялись идеи позитивизма, материализма, социализма и атеизма. Многие из представителей высшей умственной и этической культуры, принадлежащие к разным лагерям, партиям и направлениям, видели в нахождении ответов на свои вопросы единственную альтернативу этим идеям. По мысли Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, в начале XX в. вся «...культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции» [11, с. 267]. В это время, считает С. В. Колычева, свершилась «антропологическая катастрофа» [9, с. 116], последствия которой старались смягчить представители «нового религиозного сознания».

Нельзя не отметить и влияние на эволюцию общественной психологии конфликта «официального православия» с отношениями и ценностями всей светской культуры. В попытке изжить истоки этого конфликта и развивался диалог интеллигенции, еще испытывающей на себе влияние веры, и духовенства, количество вопросов к которому постоянно увеличивалось. Развитие этого диалога имело конечной целью предупреждение всеобъемлющего кризиса, предчувствие которого приобретало все более четкие формы; преобразование вполне возможного последствия этого кризиса – революции «снизу» – в революцию «сверху» через духовное возрождение общества. Однако условий, необходимых для такой «революции», в реалиях российской действительности начала XX в. создано не было.

Это обстоятельство оборвало начавшийся диалог, одновременно обнажив кризисные процессы и неустойчивость общественной психологии в России. Вместе с тем, честные и объективные «вопросы», которыми, по мысли Н. А. Бердяева, и были интересны Собрания [4, с. 196], уже не могли быть проигнорированы обществом, поскольку тесно вплелись в ткань общественной психологии в России.

Таким образом, осознание неизбежности социально-политических потрясений психологически готовило общество к компромиссу. Осознание того, что *действие* первично по отношению к пассивному ожиданию, вело к стремлению искать ответы на духовные запросы в самом обществе, их порождающем. Это делало сознание человека более экстравертным и устраняло некоторые черты религиозного мировоззрения (например, «слепоту веры»). В том же направлении эволюционировала и общественная психология. А итогом стремления найти истину, обновить веру и устранить ее противоречия стало вызревание внутри не потерявшей веру, но находящейся вне Церкви части общества так называемого «нового религиозного сознания», одним из ярких проявлений которого стала деятельность Религиозно-философских собраний.

Список литературы

1. Амелина Е. М. Проблема общественного идеала в русской религиозной философии конца XIX - XX веков. Калуга: ИД «Эйдос», 2004.
2. Артамонов В. П. Лики русской культуры. М.: ИЦАП, 2000.
3. Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 2-х т. М., 1980. Т. 2.
4. Бердяев Н. А. Избранные произведения. М.: Новый град, 2002.
5. Бирюков Б. В., Прядко И. П. «Где все единство без конца...»: логические воззрения Н. А. Васильева в культурно-философском контексте Серебряного века // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 91-100.
6. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901- 1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005.
7. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997.
8. Ильин И. А. Кризис безбожия. М.: Галатеея, 2000.
9. Колычева С. В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX в. // Антропологические конфигурации современной философии: мат. науч. конференции. М., 2004. С. 115-119.

10. Кувакин В. А. Мыслители России: избр. лекции по истории рус. философии. М.: Российское гуманистическое общество, 2005.
11. Кузьмина-Каравеева Е. Ю. Встречи с Блоком // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1968. Вып. 209.
12. Мережковский Д. С. Избранные сочинения. М.: Правда, 1992.
13. Проханов И. С. В котле России. М.: Протестант, 1993.
14. Розанов В. В. Сочинения. Избранное. М.: АСТ-Логос, 2002.
15. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.

INFLUENCE OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL MEETINGS ACTIVITY IN ST. PETERSBURG ON SOCIAL PSYCHOLOGY STATE IN RUSSIA OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Igor' Vladimirovich Vostrikov, Ph. D. in Philology
Department of Philosophy
Astrakhan' State University
igvladvost@mail.ru

The author studies the influence of the discussion between Orthodox clergy and secular intelligentsia on social psychology state in Russia at the beginning of the XXth century, mentions that social-psychological conditions for such dialogue for the first time appeared only at the religious-philosophical meetings of 1901-1903, and considers the meetings as an important source of social psychology evolution in the epoch of global spiritual, political and cultural changes expectation and anticipation.

Key words and phrases: social psychology; spiritual renaissance; new religious consciousness; Church teaching forces; dogma; spiritual co-creation; cultural space; social-psychological reflection.

УДК 1/14+17

В данной статье рассматривается деятельность в сфере управления, связанная с разрешением конфликтов. Дается классификация конфликтных ситуаций, исследуются различные способы и методы их разрешения. Показываются истоки возникновения этических конфликтов. Делается вывод, что объективные предпосылки возникновения подобных конфликтов в сфере управления связаны с основной задачей управленческой деятельности, которая сводится к обеспечению целенаправленной, скоординированной работы как отдельных участников совместного труда, так и трудовых коллективов в целом.

Ключевые слова и фразы: управленческая деятельность; моральные конфликты в сфере управления; коллектив; организация; этически взвешенные управленческие решения.

Юрий Владимирович Гордов

Кафедра истории, философии и культурологии

*Новомосковский институт Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева
youriy34@mail.ru*

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ[©]

С этико-философской точки зрения одной из наиболее сложных компонент трудовых отношений являются управленческие решения. Они формируются в процессе осуществления функций управления в различных сферах социальной действительности – экономике, политике, социальной и духовной жизни. Управленческие решения с необходимостью принимаются к реализации как в любой социальной группе, так и организации. Управление сопряжено с множеством моральных проблем и ценностных противоречий, которые создают предпосылки для возникновения этических конфликтов в этой сфере, связанных с основной задачей управленческой деятельности, которая сводится к обеспечению целенаправленной, скоординированной работы и отдельных участников совместного труда, и трудовых коллективов в целом.

Конфликт в управлении характеризуется многими параметрами, важнейшими из них являются его сущность, структура, причины и динамика. Для уяснения сути данных конфликтов важно выделить их основные признаки и сформулировать необходимые и достаточные условия их возникновения.

1. Конфликт всегда возникает на основе противоположно направленных этических позиций или нравственных суждений – это необходимое условие возникновения конфликта в управлении.

2. Конфликт – это всегда мировоззренческое противоборство субъектов взаимодействия, которое характеризуется нанесением взаимного ущерба – морального, материального, физического, психологического и т.п. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать определение понятия «моральный конфликт» –